

Глава 1

ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ РАЗВИТИЕ РОССИИ

*ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ — ВНУТРЕННИЕ
ФАКТОРЫ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ*

Внешние факторы: стратегические и тактические

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕПРЕССИЯ: «ТУПИК ПРОШЛЫХ ДОСТИЖЕНИЙ». Главный внешний фактор, влияющий на развитие России сейчас и во всем обозримом будущем, — глобальный экономический кризис, а точнее — депрессия, в которую уже вошла мировая экономика. Глубина накопленных диспропорций вызвала не просто «схлопывание финансовых пузырей», но и начало экономического спада в ряде развитых экономик.

Так, в еврозоне и во втором, и в третьем кварталах 2008 года сокращение ВВП составило 0,2%, что означает состояние рецессии. Нет сомнения, что в четвертом квартале 2008 года ситуация усугубилась, а в 2009-м усугубится еще больше.

США официально вступили в рецессию в декабре 2007 года (правда, объявлено об этом было лишь после

президентских выборов — почти год спустя), и практически никто не сомневается, что она станет самой продолжительной со времен Великой депрессии. Экономический спад в США в 2009 году будет максимальным, во всяком случае начиная с 1973 года, и составит не менее 1,6% (а скорее всего, более 2,5%). Безработица нарастает: в декабре она составила 7,2% — максимум за последние 16 лет, но ее пик впереди и придется, как ожидается, даже не на 2009-й, а на 2010-й. По данным социологических опросов, более половины американцев ожидают ухудшения экономической ситуации.

В 2009 году даже относительно оптимистично настроенные аналитики прогнозируют экономический спад во всех странах «Большой восьмерки», и не нужно быть специалистом, чтобы видеть: этот спад уже начался.

Сокращение спроса приобретает массовый, обвальный характер и ведет к сворачиванию производств. Единственным надежным способом преодоления экономической депрессии является замещение недостающего коммерческого спроса государственным. Этот принцип нащупал Ф. Д. Рузвельт, по итогам его деятельности преобразовал в стройную экономическую теорию Дж. М. Кейнс, и успешно применило на практике, выведя страну из депрессии, хотя и после очень долгих усилий, но зато без войны, руководство Японии в начале 2000-х годов.

Однако ключевое значение имеет характер увеличения государственного спроса: то, на что и как направляется его прирост.

Финансовая поддержка, выделяемая правительствами развитых стран, по политическим причинам направлена на помощь уже сложившимся производствам, что нерационально в условиях нехватки именно конечного спроса: ведь

понятно, что производить что-то, — пусть даже опираясь на государственную помощь, — можно лишь при наличии спроса.

Государственная поддержка банковской системе в этом отношении более эффективна, так как, поддерживая кредитование, в том числе и населения, стимулирует спрос, однако ее масштабы недостаточны для того, чтобы вновь «раскрутить» маховик экономического развития. Соответственно, население не имеет достаточно устойчивых источников доходов для гарантированного возвращения потребительских кредитов, а значит, масштабы их увеличения будут недостаточными для требуемого поддержания роста производства.

Единственным надежным способом выхода из депрессии является такое увеличение государственного спроса, которое устранил накопленные в прошлом социально-экономические диспропорции и обеспечит конкурентоспособность национальной экономики в качественно новых условиях.

Это значит, что государственные деньги должны вкладываться не в поддержание старых, а в создание качественно новых производств. Поскольку вероятность ошибки при этом может быть неприемлемо высокой, необходимо избегать даже возможности конкуренции с бизнесом, ограничивая государственную активность объективно недоступными для бизнеса сферами, главная из которых — создание абсолютно новых технологических принципов. Ведь инвестирование в эту сферу носит категорически нерыночный характер: инвестор не может оценить, получит он результат или нет, но даже если получит, то не может прогнозировать не только время, когда это случится, но и собственно результат. Поэтому данная сфера является недоступной для бизнеса — тот может подключаться лишь на следующем этапе,

в процессе коммерциализации этих новых технологических принципов и их воплощения в те или иные технологии.

Таким образом, создание новых технологических принципов является естественной сферой деятельности государства, однако эти новые принципы, предоставляя возможность замены господствующих технологий, подрывают тем самым позиции крупнейших корпораций, данные технологии использующих, а значит, и устойчивость всей общественной системы, включая ее социальный и политический компоненты.

Другая естественная сфера деятельности государства — модернизация на основе новых технологий капиталоемкой части производственной (в широком смысле этого слова, включая транспорт и связь) инфраструктуры общества. Бизнес, даже крупный и глобальный, как правило, не может взяться за это (исключения вроде балансирующего на грани банкротства туннеля под Ла-Маншем лишь подтверждают общее правило) — и далеко не только из-за технологически обусловленных капиталоемкости и долгосрочности проектов, требующих отвлечения слишком больших сумм на слишком большие сроки. Важным препятствием для коммерциализации инфраструктуры является сам ее характер: основной экономический эффект от ее развития возникает за счет общего оживления экономической активности, а отнюдь не за счет получения прибыли непосредственным инициатором проекта, ведь сам проект, строго говоря, может оставаться убыточным.

Классический пример — первая очередь Транссиба, которая с точки зрения отдельно взятой железнодорожной компании окупилась лишь к началу 30-х годов, т. е. через несколько десятилетий после завершения строительства. Позитивный же эффект для развития экономики Сибири

и — через налоговые платежи — рост занятости и обороноспособности, для государства с лихвой перекрыл, насколько можно судить, все расходы на строительство в первые же годы функционирования этой магистрали.

Создание и модернизация капиталоемкой инфраструктуры доступны не отдельным корпорациям, а лишь государству, выражающему интересы общества и аккумулирующему (в том числе и через налоговую систему) все получаемые им выгоды от активизации разнообразной экономической деятельности.

Однако в современных развитых странах масштабная модернизация капиталоемкой инфраструктуры, способная вытащить национальную экономику из депрессии, доступна государству лишь в условиях ее неразвитости или разрушения. В противном случае расходы на ее значимое улучшение, как правило, оказываются ниже даже общественных выгод от этого улучшения, так как перестраивать работающую систему очень сложно и дорого. Строго говоря, это имеет смысл делать только ради действительно революционных изменений, связанных с применением качественно новых технологий, резко, на порядок, повышающих эффективность. Но такие технологии, подрывая положение доминирующих корпораций, дестабилизируют не только всю экономическую, но и общественную систему.

В сбалансированном и находящемся в состоянии экономического и социального равновесия обществе всякое значимое технологическое улучшение, существенно повышающее производительность труда и эффективность вложения капитала, выводит систему из равновесия, создавая излишки как труда, так и капитала, с которыми непонятно что делать.

Таким образом, само благополучие развитых обществ достаточно жестко и болезненно блокирует их технологическое, а значит, и социально-экономическое развитие, обрекая их на беспомощность перед лицом глобальных экономических и технологических катаклизмов.

В частности, в сегодняшней депрессии мы видим, что развитые общества способны увеличивать государственные расходы лишь на те направления, которые заведомо не могут повысить их конкурентоспособность и вывести из депрессии. Глубокая же технологическая модернизация и осуществление масштабных инфраструктурных проектов остаются недоступными этим государствам по социально-политическим причинам.

В стратегическом плане это обеспечивает России прекрасные конкурентные возможности, хотя пока глобальная депрессия не просто создает нам колоссальные проблемы, но и лишает нашу экономику ставшего привычным за 2000-е годы механизма ее роста, заключавшегося в простом перебаривании экспортной выручки, а с 2006 года — и внешних займов.

Причина прекращения внешних займов лежит на поверхности: острая нехватка ликвидности, связанная с проколом спекулятивных «финансовых пузырей», ограничила кредитование как таковое — и тем более таких развивающихся рынков, как Россия, затронутая и фондовым кризисом, и удешевлением сырья.

В результате рост внешнего коммерческого долга нашей страны (долг банковской системы и нефинансового сектора, включая предприятия государственного сектора), составивший за 2004 год 35%, за 2005-й — 62,1%, за 2006-й — 49,1%, а за 2007-й — 59,3%. За первые три квартала 2008 года этот показатель был равен лишь 19,3% — и это при существен-

ном удорожании получаемых займов. В четвертом квартале 2008 года, наблюдалась значительная чистая выплата российским бизнесом (которому активно помогало государство) набранных в прошлом кредитов, т. е. сокращение внешнего коммерческого долга.

Понятно, что практически одномоментное превращение мощного источника притока капиталов в канал столь же мощного их оттока создало огромные комплексные проблемы с ликвидностью российской экономики, отнюдь не изжитые поверхностно оказываемой государственной помощью, несмотря на ее действительно значительные объемы.

Однако гораздо более глубокое влияние на экономику нашей страны оказало резкое снижение мировых цен на экспортируемое ею сырье. Фундаментальная причина этого удешевления, затронувшая почти все сырьевые ресурсы, заключается в падении спроса на него из-за сокращения производств.

Классический пример — нефть. Прекращение массового строительства в США резко снизило потребление бензина, так как в отсутствие складов на стройплощадках строительные материалы подвозят на них ежедневно, а то и по нескольку раз в день. Соответственно снижение потребления бензина снизило спрос на нефть и уронило ее цены.

Кроме того, цены на биржевые сырьевые товары определялись на основе соответствующих фьючерсов, бывших объектами вложения спекулятивных капиталов. Когда инвестиционные банки, столкнувшись с нехваткой ликвидности, стали выводить в наличность все свои вложения, они поступили так и в отношении своих вложений в товарные фьючерсы, что привело к падению спроса на них и, соответственно, удешевлению сырья.

На эти фундаментальные факторы наложились и некоторые специфические отраслевые, например, решение американских властей об освоении нефтяных месторождений на Аляске и на шельфе Флориды, принятое для снижения цен на бензин в преддверии президентских выборов. Это беспрецедентное и совершенно неожиданное решение, ибо данные месторождения рассматривались поколениями американских политиков как неприкосновенный стратегический запас нации, хотя и не помогло республиканцам выиграть выборы, но обвалило цену на нефть еще до перехода экономического кризиса в острую фазу.

Другим отраслевым фактором стал максимальный за всю историю человечества урожай зерновых, вызванный прошлогодним их удорожанием, из-за которого сельхозпроизводители почувствовали себя кем-то вроде нефтяников. Продолжалось это очень короткое время, ибо высокий урожай, да еще и в условиях падения интереса к биотопливу, привел к болезненному падению цены на зерно.

Удешевление экспортного сырья и прекращение внешнего кредитования подорвало основы сложившейся в России социально-экономической модели и создало объективную необходимость ее форсированной замены.

УСИЛЕНИЕ ПРОТЕКЦИОНИЗМА И ВЗЛОМ ЧУЖИХ РЫНКОВ. Первой и естественной реакцией всякой экономики на ухудшение конъюнктуры является защита собственных производителей: поскольку их положение ухудшается, они становятся более уязвимы для внешней конкуренции, а их проблемы делаются более болезненными для затронутого негативными явлениями общества.

Поэтому всякий сколь-нибудь серьезный экономический кризис — и тем более депрессия — объективно уси-

ливают протекционизм, направленный на защиту своих рынков от внешней конкуренции.

В развитых странах, обладающих серьезным экспортным потенциалом, этот протекционизм в отношении собственного рынка гармонично дополняется резкой активизацией борьбы с чужим протекционизмом, за взламывание рынков других стран для расширения сбыта собственных корпораций. Естественно, это сопровождается всем необходимым пропагандистским оформлением, вплоть до болезненной активизации экспорта демократии в ее предельно узком американском понимании.

Весьма существенно, что экспорт демократии, а точнее, насаждение соответствующих этому термину стереотипов и стандартов, представляет собой далеко не только обеспечение в развивающихся и неразвитых странах условий, наиболее комфортных для извлечения из «осчастливленных» стран прибыли глобальными корпорациями, базирующимися в основном в США и других развитых странах.

Важно понимать, что демократия сама по себе — весьма специфический экспортный продукт, производимый преимущественно США: следование ее стандартам автоматически означает непосредственное потребление целой гаммы производимых в этой стране, в других развитых странах товаров и услуг, включая глобальное телевидение — носителя глобальной рекламы, а также услуг консалтинговых, аудиторских и рейтинговых компаний и т. д.

Таким образом, экспорт демократии не просто расчищает дорогу для последующего экспорта товаров и услуг и соответственно захвата соответствующих рынков, но в значительной степени и сам по себе осуществляет этот коммерчески выгодный экспорт.

Понятно, что неразрешимое противоречие между усилением протекционизма развитых стран в отношении собственных рынков и их нетерпимостью к проявлениям протекционизма со стороны более слабых экономик не позволяет им разумно и честно обосновывать свою позицию.

Очевидно, что в результате это объективно способствует росту международной напряженности.

Однако помимо традиционного протекционизма в области защиты своих рынков и своих производителей в 2008 году обнаружился весьма серьезный рост «экспортного протекционизма» — ограничения экспорта, вызванного такими разнообразными факторами, как инфляция, увеличение численности населения в развивающихся и неразвитых странах, а также многообразные экологические проблемы.

В первую очередь это проявляется на продовольственных рынках. Ограничивая экспорт, правительства стремятся обеспечить насыщение продуктами питания внутренние рынки своих стран и таким образом задавить инфляцию, пусть даже вместе с частью национальных производителей.

В 2008 году экспорт продовольствия (в основном зерновых) ограничивали Аргентина (где налоги на экспорт были в конце концов отменены в результате четырехмесячной забастовки фермеров), Вьетнам, Египет (столкнувшийся с голодными бунтами из-за удорожания зерна), Индия, Индонезия, Казахстан, Камбоджа, Китай, Россия, Таиланд и Украина, а производители риса вновь заговорили о необходимости создания экспортного картеля по образцу ОПЕС. Продовольственный протекционизм не просто создает проблемы потребителям, но иногда вызывает панику. Так,

летом 2008 года в США приходилось ограничивать продажу риса в магазинах.

Развивающиеся страны, ориентированные на экспорт, страдают от отставания производств, ориентирующихся на внутренний рынок, что создает в целом ряде случаев реальную угрозу надежности снабжения собственного населения. Это не просто провоцирует рост цен, но и усиливает социальную напряженность из-за дефицита продовольствия и промышленных потребительских товаров. Рост численности населения (или рост спроса, предъявляемого населением из-за получения им части растущих экспортных доходов) вынуждает правительства переориентировать часть экспортных потоков на внутренний рынок.

Другая причина экспортного протекционизма — угроза исчерпания ресурсов дешевой трудовой силы и экологической устойчивости соответствующих регионов (достаточно вспомнить, что на время проведения Олимпиады в Пекине китайские власти были вынуждены остановить часть предприятий, расположенных вокруг столицы).

Наконец, экспорт сырья ограничивается и для стимулирования его переработки на территории страны с получением выгод от развития соответствующих производств. В 2008 году такую политику проводили, в частности, Китай (в отношении меди, угля и удобрений), Конго (в отношении кобальта) и Россия (в отношении древесины, кокса и металлолома).

Существенно, что, ограничивая экспорт продукции низкой степени переработки, развивающиеся страны наносят болезненный удар по развитым странам, прежде всего, отнимая у них прибыль, которую те уже привыкли получать за счет переработки сырья. В тех случаях, когда переработка осуществлялась на территории самих разви-

тых стран, происходит еще и болезненное сокращение рабочих мест.

Однако главное заключается в том, что, повышая уровень переработки своего сырья, развивающиеся страны снижают свою потребность в импорте соответствующей продукции из развитых стран, препятствуя тем самым нормализации их экономического развития и преодолению депрессии.

Понятно, что это не может не вызвать встречную реакцию развитых стран, которые стремятся к взлому развивающихся и неразвитых экономик не только для обеспечения сбыта продукции своих корпораций, но и для получения сырья для его привычной переработки.

Но все же главным следствием роста протекционизма в обозримом будущем явится регионализация — постепенное разделение единого торгового пространства мира на региональные зоны относительно свободной торговли, отгороженные друг от друга серьезными торговыми барьерами. Это существенно подорвет экономическое положение развитых стран, в первую очередь США, и на время придаст второе дыхание странам, индустрия которых пришла в упадок, не выдержав глобальной конкуренции, в том числе России.

АКТИВИЗАЦИЯ СКРЫТЫХ КОНФЛИКТОВ. Нарастание социально-экономических проблем при отсутствии видимых путей выходов из них, равно как и объективная противоположность интересов различных групп стран, способствует обострению самых разнообразных конфликтов — и внутренних, и внешних.

При этом в глобальные конфликты страны входят в самых разных сочетаниях. Так, союзники одной страны в рамках противостояния развитых и развивающихся стран могут быть ее же противниками при конфронтации потре-

бителей и производителей энергии. А в рамках противостояния потребителей и производителей продовольствия занимать сторону как ее союзников, так и противников.

Общая, фундаментальная причина обострения конфликтов представляется достаточно простой: богатым странам надо подстегивать свою экономику и контролировать ресурсы (прежде всего минеральные) хотя бы для того, чтобы они не достались конкурентам, а бедным — захватывать недостающие ресурсы, на покупку которых больше нет денег.

Подстегивание развитых экономик, в том числе США, в условиях глобальной депрессии и показанной выше объективной невозможности осуществлять технологические прорывы и реализовывать масштабные проекты по модернизации инфраструктуры возможно лишь в виде «военного кейнсианства», т. е. увеличения военных расходов. Но повышать их просто так невозможно — нужны поводы.

Мы видим, что президент Обама, только что пришедший к власти под лозунгом переориентации на внутренние проблемы США, уже и думать забыл о выводе войск из Афганистана и Ирака. Более того — американское руководство усердно раздувает тлеющий конфликт в Пакистане (начало было положено помощью Бхутто и отставкой Мушаррафа, хотя один только он мог держать в узде исламистов), чтобы уничтожить растущее в нем влияние Китая, а в идеале, — дестабилизировав юг Пакистана и Ирана, отрезать Китай от жизненно важной для него иранской нефти.

Само собой, новому американскому президенту придется участвовать в обуздании сомалийских пиратов. Весьма интересно, что их нападения на крупные танкеры произошли сразу же после подробного рассмотрения такого сценария на Давосском экономическом форуме (прав-

да, применительно не к Африканскому Рогу, а к Молуккскому проливу).

Не стоит забывать и о том, что в 2009–2010 годах могут начаться еще две войны с участием США: в Зимбабве и Дарфуре (на юге Судана). В обоих регионах отмечаются чудовищные нарушения прав человека, царит кромешная нищета, однако на самом деле борьба развернется за полезные ископаемые, а в случае Дарфура причиной конфликта может стать еще и оформившееся в последние годы китайское доминирование.

Нельзя исключить и нападения США на Иран, ядерная программа которого, безусловно, существует и в случае развития атомной электроэнергетики может превратить его в «витрину антиамериканского процветания» в регионе, что не приемлемо не только для США и Израиля, но и для Саудовской Аравии, рассматривающей Иран как смертельно опасного конкурента номер один.

В результате вместо двух войн, за которые был смешан с грязью Буш, «самый неудачливый президент США за всю их историю», «миротворец» Обама неизбежно будет вести не менее четырех, а возможно, и семи войн! Произойдет это не потому, что он жаждет крови, а потому, что военные расходы и расходы на безопасность — единственный оставшийся ему надежный инструмент стимулирования американской экономики.

Бедные страны ввязываются в конфликты прежде всего как пешки в чужой игре, вынужденные исполнители воли «хозяев» своих руководителей (так, по-видимому, было с нападением Грузии на Южную Осетию).

Однако часто они активизируют конфликты, в том числе самоубийственным образом, просто для того, чтобы привлечь к себе внимание и пошантажировать мировое

сообщество, надеясь получить от него помощь. Классический пример — удары ХАМАС с территории сектора Газа а затем «Хезболлы» из Южного Ливана по Израилю. Удары самоубийственные, ибо были нанесены накануне выборов в Израиле и в принципе не могли вызвать никакой иной реакции, кроме ответного удара на уничтожение (и израильские политики, и военные были счастливы получить такой подарок и не скрывали, что готовились к нему достаточно долго и тщательно, чтобы любой ценой полностью уничтожить руководство этих двух организаций).

Да, конечно, главными причинами ударов ХАМАС, с которых и началась кровавая баня в секторе Газа, могут быть виртуозная провокация израильских спецслужб (или конкурентов из ФАТХ) или команда со стороны руководства Ирана, которое боится ядерного удара со стороны Израиля и потому может попытаться таким нападением отвлечь внимание и оттянуть его силы. С другой стороны, оно жаждет продемонстрировать бессилие израильцев перед ХАМАС.

Однако если абстрагироваться от этих причин, у атак ХАМАС есть своя безусловная внутренняя логика. Ведь без войны, без постоянного конфликта и трагедий Палестина представляет собой клочок бесплодной и никому не нужной земли, перенаселенной людьми, не умеющими (и часто не желающими, что принципиально важно) что-либо производить. Мирная Палестина, живущая в гармонии с Израилем, — территория кромешной нищеты, безысходного отчаяния и тотальной преступности, управлять которой невозможно в принципе. Поэтому палестинское руководство объективно вынуждено нападать на Израиль просто для того, чтобы привлечь к себе внимание и получить от мирового сообщества финансовую помощь, на которую ему можно какое-то время жить, частично подкармливая своих граждан.

ФАТХ, контролирующий собственно Палестинскую автономию, живет именно так — за счет помощи, предоставляемой «молодому палестинскому государству». ХАМАС, свергнувший его власть в секторе Газа (между прочим, по причине его абсолютной коррумпированности), международной помощи не получает, а экономический кризис, вероятно, подорвал те источники существования, которые у него были. В результате он — во многом от простого безденежья — устроил провокацию, которая могла привести к его гибели, но привлекла к сектору Газа внимание и, соответственно, финансовую помощь международной общественности.

Это два крайних случая: максимального богатства и тотальной нищеты. Между ними находится бесчисленное множество разнообразных промежуточных примеров.

Мы должны понимать, что и богатые, и бедные выбиты глобальной депрессией из привычных социально-экономических и политических моделей, растеряны и вынуждены искать выход из положения в наиболее простом образе действий — насильственном.

При этом и процветающие, и нищие страны пытаются отвлечь свое население от болезненных социально-экономических проблем. Конечно, острота этих проблем в том и другом случаях несопоставима, но благодаря наличию несравнимо большего количества «обратных связей» богатые плачут громче всех. За счет большей развитости демократических процедур недовольство некоторым снижением уровня доходов и рост неуверенности в завтрашнем дне являются для правительств развитых стран не менее серьезным политическим фактором, побуждающим к немедленным действиям, чем физическое вымирание от голода — для руководства стран неразвитых.

Понятно, что обострение конфликтов не может обойти нашу страну. Собственно, попытка геноцида граждан России, проживающих в Южной Осетии, внезапно принятая «молодой грузинской демократией», а также газовая блокада Евросоюза, столь же неожиданно устроенная «молодой украинской демократией», свидетельствуют об этом более чем внятно.

Мы должны понимать, что это не частные эпизоды, не случайные совпадения, а объективные следствия глобальной депрессии, каковых будет, по всей вероятности, еще немало.

СЖАТИЕ СПРОСА ДИКТУЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА. Разумеется, внешние тактические факторы, влияющие на наше развитие, на порядок менее глубоки и масштабны, чем описанные выше. Собственно, потому они являются тактическими, однако при определенных обстоятельствах их значимость для нашего общества может быть не ниже, что обязывает относиться к ним внимательно и максимально полно учитывать их влияние.

Прежде всего, глобальная депрессия ведет не только к снижению цен на экспортируемые Россией сырьевые товары и продукцию первого передела, но и к сокращению физической потребности в них. В первую очередь это ощутили рынки черных металлов, однако постепенно сжатие не только платежеспособного, но и материального спроса распространяется и дальше — вплоть до рынков некоторых информационных технологий.

В результате сжатия спроса происходит не просто падение рентабельности производств или превращение их в убыточные, но они становятся ненужными, их продукция прекращает пользоваться спросом, независимо от цены на нее.

Массовое высвобождение занятых на этих производствах работников и уничтожение огромного количества старых мощностей (в случае постсоветского пространства иногда действительно очень давно устаревших и нуждающихся в замене — вроде домен довоенной постройки) создают объективную необходимость коренного реформирования всего экономического организма, которое может быть только сознательным.

Осуществлять это на базе доминирующих технологий, доказывающих свою ненужность, — значит обресть себя на принудительно низкую производительность труда и, соответственно, низкий уровень потребления — настолько низкий, что он объективно потребует массовых общественных работ (в том числе на вахтовой основе, с проживанием в казармах или общежитиях), — и нормирование основных потребительских продуктов.

Понятно, что подобного рода деградация общественного устройства не только непривлекательна для самого социума, но и неприемлема с точки зрения глобальной конкуренции: крупная страна с европейским по культурному типу населением, поддерживающая неэффективные технологии и уравнительную систему распределения, в современных условиях просто не сможет существовать долго.

Значит, единственным выходом для России является сознательное стимулирование технологического прогресса. Только так, за счет не столько освоения, сколько в первую очередь создания новых рынков, можно обеспечить продуктивную занятость значительного количества высвобождаемых людей.

Более подробно мы рассмотрим этот вопрос позже, в том числе остановимся на описании направлений этого стимулирования и имеющихся технологических заделов,

а пока ограничимся констатацией категорической необходимости таких мер, а также отметим практически полное отсутствие усилий государства в этом направлении, в том числе его нежелание создавать необходимые организационные структуры.

ДЕШЕВИЗНА СПЕЦИАЛИСТОВ И ОБОРУДОВАНИЯ. Весьма существенным обстоятельством, выгодным для нас, является драматическое упрощение (не говоря уже об удешевлении) скупки в развитых (и неразвитых) странах технологического оборудования (особенно бывшего в употреблении) и специалистов. Строго говоря, в условиях глобальной экономической депрессии они окажутся совершенно не нужны у себя на родине (а в значительной степени необходимости в них нет уже сейчас) — примерно так же, как были не нужны во время Великой депрессии 1920–1930-х годов.

России же эти специалисты и оборудование будут исключительно полезны. Ведь для того, чтобы занять высвобождающуюся в ходе свертывания производств рабочую силу, а также обеспечить защищенность от внешних монополий или просто случайных колебаний конъюнктуры в условиях повсеместно растущего протекционизма, нашей стране просто придется провести частичную реиндустриализацию, т. е. восстановление разнообразных производств.

Если реиндустриализация пойдет на базе доминирующих сегодня, а не более передовых технологий, она может опираться на дешевых специалистов и технологии из развитых стран — так, как это было в ходе первой индустриализации. В этой части вновь создаваемые производства будут ориентированы на наш собственный рынок, поскольку внешние рынки продукции традиционных технологий заняты, и прорыв на них (особенно с учетом их сжатия) затруднен, а то и вовсе невозможен.

Относительно же российских индустриальных технологий, застрявших на уровне в лучшем случае 80-х (а в основном 60-х) годов прошлого века, даже бывшее в употреблении оборудование из развитых стран обеспечит значимый рост производительности, экономии ресурсов и экологичности.

ДАВЛЕНИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АКТИВЫ. Довольно заметное влияние на развитие российской экономики оказывают в настоящее время и будут оказывать в некотором будущем попытки скупить российские стратегические активы.

Невозможность утраты национального контроля за стратегическими активами, жизненно значимыми для России, заключается в том, что управление ими будет осуществляться исходя из интересов, частично находящихся за пределами страны и не имеющих к ней отношения. Это недопустимо прежде всего потому, что указанные интересы могут оказаться прямо противоположны национальным интересам страны, причем не только в силу стратегической или военно-политической, но и банальной коммерческой конкуренции. Однако даже если такая противоположность по каким-то причинам не возникнет, совершенно недопустима сама ситуация, при которой жизнь нашей страны будет хотя бы в какой-то степени зависеть от совершенно не имеющих к ней отношения интересов.

Понятно, что частной корпорации приобретение большинства стратегических активов является исключительно рискованным: с одной стороны, непонятно будущее рынков, на которые они ориентированы, с другой — неясен характер государственного регулирования (это относится к большинству активов с гарантированной востребованностью, например, к энергетике).

Однако такие попытки предпринимаются. Во-первых, кредиторы, рефлекторно, бессознательно желая хоть что-то получить за долги, пытаются распространять свой контроль и на такие активы, находящиеся в залоге. Во-вторых, не очень болезненно затронутые депрессией стратегические инвесторы механически продолжают реализацию старых, еще докризисных, бизнес-стратегий.

Надо отметить, что одна из задач, успешно решенных правительством России в ходе экономического кризиса, заключалась как раз в сохранении национального контроля над стратегическими активами. Да, конечно, стратегические активы понимались при этом чрезмерно широко, а обязательства их владельцев перед государством носили неприемлемо мягкий характер, однако в целом задача была решена.

Тем не менее ее актуальность сохранится хотя бы потому, что значительная часть крупных российских бизнесменов привлекала кредиты на офшорные компании, закладывая при этом в качестве обеспечения пакеты акций российских предприятий. По состоянию на 1 июля 2008 года при официальном внешнем долге российских банков и нефинансового сектора в 485,9 млрд долл. внешний долг, взятый бизнесом на офшорные структуры под обеспечение пакетов акций, составлял, по оценкам, не менее 120 млрд долл. (причем в силу высокого разброса оценок превышение этого параметра может быть весьма существенным).

Необходимость выкупать российские стратегические активы, заложенные их владельцами под ставшими невозвратными кредиты, а также отбивать атаки иностранных инвесторов на такие активы будет лежать на российском государстве тяжелым бременем до середины 2010 года.

УСИЛЕНИЕ МИГРАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ. Сокращение численности рабочих мест, особенно наглядное в строительстве, ведет к резкому росту безработицы прежде всего среди гастарбайтеров из ближнего зарубежья и, соответственно, их массовому возвращению на родину. Однако значительная их часть остается в России. Они не имеют постоянной работы, а часто и никакой работы вообще, у них много свободного времени, поэтому они проявляют существенно бóльшую социальную активность (совсем не обязательно криминальную), не только становясь более заметными, но и оказывая существенное влияние на состояние общества в целом. Отвлечение сил этих людей от производительного труда автоматически усиливает их давление на российское общество и, соответственно, их роль в его жизни.

Не стоит забывать и предстоящего существенного ухудшения ситуации в регионах, традиционно живущих за счет работы гастарбайтеров в России (в первую очередь это Таджикистан, Узбекистан, Киргизия и Туркмения). По сути, единственный финансовый поток, поступающий в эти регионы достаточно регулярно, — заработок в России. Сокращение в нашей стране рабочих мест для граждан этих стран означает не просто уменьшение притока денег, но подлинную гуманитарную катастрофу. В результате многие гастарбайтеры, уехавшие домой в конце 2008-го и начале 2009 года, вскоре вернутся в Россию, несмотря на отсутствие рабочих мест и резкое ухудшение ситуации на рынке труда. Их заставит это сделать полная безысходность и необходимость спасти свои семьи.

При этом значительное сокращение численности рабочих мест касается лишь совершенно неквалифицированных гастарбайтеров, традиционно занятых в строительстве.

Те из них, кто обладает теми или иными навыками, владеет русским языком и способен к социализации, могут рассчитывать на новые рабочие места. Объясняется это тем, что значительное количество работодателей, стремясь в результате кризиса к минимизации издержек, сознательно и целенаправленно заменяют местных работников на выходцев из ближнего зарубежья. Причины традиционны: им можно платить значительно меньше (в ряде случаев, чтобы сохранить работу в условиях кризиса, гастарбайтеры трудятся за еду), они неприхотливы, более терпимы к бытовому хамству со стороны работодателя, а в ряде случаев и более трудолюбивы.

Поэтому увольняемые во всех городах России офисные работники не смогут, даже если захотят, прокормить свои семьи, устроившись дворниками, грузчиками и продавцами — эти места заняты иностранными рабочими, и работодатели просто не отдадут их увольняемым из офисов (и в целом «местным коренным жителям»), которые неизбежно, в силу неотъемлемых культурных особенностей, являются более дорогой и более привередливой рабочей силой.

Более того: многие граждане России, занятые на относительно квалифицированной работе, в обозримом будущем потеряют свои места не из-за сокращения, а потому, что их заменят более удобными во всех отношениях гастарбайтерами.

Все описанное приведет к росту иммиграционного давления на российское общество и дальнейшему нарушению этнокультурного баланса, грозящему окончательным исчезновением только начавшей складываться российской идентичности.

Уже в обозримом будущем нам придется столкнуться с ростом напряженности в межнациональных отношениях, активизацией бытовой и организованной преступности (в первую очередь этнической, которая пополнится большим количеством уволенных со строек) и ускорением под воздействием всех описанных тенденций архаизации российского общества.

Внутренние факторы: стратегические и тактические

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ. Конкурентоспособность страны зависит от множества объективных и субъективных факторов — от национальной культуры и наличия природных ресурсов и до текущей конъюнктуры отдельных товарных рынков.

Однако наиболее значимым фактором, определяющим конкурентоспособность в среднесрочном плане, является эффективность государственного управления. Да, конечно, она сама зависит от многих социокультурных, исторических и даже просто личностных факторов, но жизнеспособность каждого общества, как в капле воды, отражается именно в качестве системы управления им.

Именно качественное государственное управление позволяет развивать современные технологии «на пустом месте», не имея не то что промышленности, но даже мало-мальски образованного населения. (Пример из жизни: в Малайзии в 1995 году выдавали разрешение на занятия предпринимательской деятельностью лишь после сдачи экзамена... на умение считать на калькуляторе, так как заезжие торговцы пользовались отсутствием соответствующих навыков у населения, и это превратилось в реальную проблему.)

Именно качественное государственное управление обеспечивает быстрое подавление — практически до полного искоренения — коррупции в обществе, где она была едва ли не частью национальной культуры (как, скажем, в Сингапуре).

Именно качественное государственное управление превращает нищую территорию, перманентно находящуюся на грани войны, в привлекательную финансовую «гавань» (Кипр и Ирландия, традиционно воспринимавшаяся как земля бунтарей).

Государство — мозг и руки общества, и оно призвано делать все необходимое, с чем само общество справиться по любым причинам не в состоянии.

Нет задач, с которыми не способно справиться государство при достаточно эффективном управлении.

Именно поэтому его наличие или отсутствие эффективного управления является важнейшим стратегическим фактором национального развития.

При этом государственному управлению отнюдь не нужны гении: практика показывает, что для постановки и решения даже сложнейших задач вполне достаточно людей со средними, мягко выражаясь, способностями. Важно лишь, чтобы они были ответственными и организованными.

К сожалению, система управления, сложившаяся в современной России, не просто неэффективна, но еще и не отвечает потребностям, объективно предъявляемым к ней современной кризисной ситуацией. Главная причина этого заключается в утрате объективизированного критерия успешности государственного управления — с одной стороны, из-за утраты «обратной связи» с обществом, с другой — из-за отсутствия у системы государственного управления

стратегического видения, «образа желаемого будущего», к которому оно стремится привести Россию.

Обладая колоссальными, беспрецедентными в истории нашей страны финансовыми ресурсами, российское государство, понимая и публично признавая необходимость комплексной социально-экономической модернизации, так и не смогло приступить к этой модернизации на практике.

Раздача баснословных сумм специально созданным государственным корпорациям, которые практически не контролируются государством и при этом еще и сами определяют собственные задачи, не может быть признана даже попыткой модернизации — просто потому, что государство так и не смогло определить ее суть, методы и механизмы.

Даже пресловутая «Концепция-2020» (Концепция социально-экономического развития России до 2020 года) так и не стала не только конкретной программой мер хотя бы на первом этапе, но даже достаточно общей стратегией. Она не предусматривала механизмов реализации, а потому была обречена оставаться мертворожденной бумагой, пустым звуком, простой игрушкой играющих в интеллектуальные игры бюрократов. И как в насмешку, она была окончательно утверждена уже в самом начале кризиса, когда ее устарелость и несоответствие новым реалиям стали вполне очевидны.

Отсутствие, с одной стороны, всякого контроля со стороны общества, а с другой — стратегических целей позволило системе государственного управления просто наслаждаться временным благополучием, порожденным притоком нефтедолларов, и направлять свои силы на создание особо комфортных для самой себя условий.

С другой стороны, расслабление и бесконтрольность при практическом всевластии, как обычно, дали дорогу худшим инстинктам человеческой природы, породив бурный расцвет коррупции, которая не просто парализовала деятельность государства, но и обеспечила «отрицательный отбор» его сотрудников в целых секторах системы управления, еще более снизив ее эффективность.

В результате было безвозвратно потеряно самое благоприятное для модернизации время — 2003–2007 годы, целая пятилетка, которая могла войти в историю как «путинская модернизация», а стала синонимом потерянного времени.

Когда развитие кризиса начало предъявлять к системе государственного управления достаточно жесткие объективные требования, она реагировала с большим опозданием и чрезмерным расходом средств.

Да, критически значимые задачи в условиях, близких к катастрофическим (возникавшим из-за ее собственного промедления), она все же выполнила — не допустила разрушения банковской системы России в середине сентября и сохранила национальный контроль, по крайней мере, за основной частью стратегических активов. Однако уже обеспечение достаточно простого с операциональной точки зрения финансового контроля за средствами, направляемыми в качестве государственной помощи экономике, оказалось для нее непосильной задачей — и президент Медведев был вынужден вернуться в послании Федеральному собранию к терминам 1992 года («финансовый трюмб»).

Государственная помощь была выделена реальному сектору лишь с незначительным опозданием, практически своевременно, но отсутствие финансового контроля привело к тому, что она не дошла до основной массы предприя-

тий, неоправданно усугубив возникшие разрушительные тенденции.

С другой стороны, поступление этой же помощи на валютный рынок обеспечило спекулятивное давление на рубль и его обесценение на фоне стремительного сокращения международных резервов Банка России. Это вызвало серьезные общественные страхи и стало самостоятельным фактором усугубления социально-экономической напряженности.

Таким образом, низкое качество системы государственного управления России является самостоятельным фактором, усугубляющим кризис. Более того, нарастание практически всех негативных тенденций в жизни нашего общества обусловлено именно неэффективностью государства, в лучшем случае не обращающего на них внимания, а зачастую и усиливающего их своими действиями.

Низкое качество российского государственного управления вовсе не является ни случайным, ни преходящим. Оно определяется и консервируется специфической мотивацией и в целом специфической корпоративной культурой, сложившейся в среде российских реформаторов в 1990-е годы и лишь несколько модифицированной в 2000-е. Изживание этой мотивации и тем более культуры требует времени и может произойти лишь благодаря достаточно болезненным для правящей элиты процессам глубокого кадрового обновления.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. Собственно говоря, российская идентичность так и не сложилась. Задача сформировать «новую историческую общность людей» — российский народ — даже не становится государством. Россия, возникшая как случайный обломок

казавшегося вечным Советского Союза, осознала свою самостоятельную ценность лишь в конце 1990-х годов — во многом благодаря «возврату от либеральных реформ к здравому смыслу» во время короткого премьерства Примакова, стабилизировавшего социально-экономическую ситуацию после дефолта.

Путин осознал эту тенденцию и успешно закрепил ее, сделав патриотизм нормой общественной жизни и в ходе второй чеченской войны, привив обществу вкус к победе и осознанию собственной правоты.

Однако единство российского общества не получило содержательного наполнения, оставшись случайным, вынужденным и, по сути, ситуативным. Отсутствие общей идеи, единых и четко воспринимаемых всеми ценностей делает его неустойчивым и, более того, постепенно расплывающимся.

Общность, не скрепленная едиными идеалами и чувствами, не участвующая повседневно в общем и при этом главном для всех общенациональном деле, размывается каждой конкретной проблемой, с которой оно сталкивается, и потому является исключительно неустойчивой, особенно в условиях глобальных кризисов.

Практически наша страна объединена сегодня, помимо административной «вертикали власти», двумя программами федерального телевидения, Сбербанком, рублем и Путиным в качестве признаваемого всеми (хотя и воспринимаемого по-разному) национального символа.

Это тем более поразительно, что само российское общество стихийно осуществило синтез враждебно противостоявших друг другу в начале 1990-х годов социальных, патриотических и демократических ценностей в единую не артикулированную, но достаточно внятную и в целом

разумную идеологию. В основе этого синтеза лежит простой обывательский здравый смысл и накопленный в ходе реформ опыт, но государство, к сожалению, так и не смогло оформить этот синтез в национальную идеологию, способную заново сплотить и реструктурировать российское общество, сплавив его в российский народ.

Возможно, причиной этого является стихийное стремление российского общества (и выработанного им идеологического синтеза) к модернизации, что противоречит стремлению бюрократии к блаженному ничегонеделанию, а также к справедливости, что противоречит высокому уровню коррумпированности государственного аппарата.

В качестве высшей ценности государство долгое время провозглашало достигнутую стабильность, что было неразумно не только из-за низкого уровня жизни основной части россиян, делавшего эту стабильность некомфортной для них, но и из-за объективного противоречия стабильности и модернизации как ценностей. Таким образом, провозглашение стабильности как ценности противоречило модернизации и тем самым подрывало конкурентоспособность России. Впрочем, экономический кризис заставил об этой «ценности» быстро забыть.

Государство пыталось обеспечить единство общества за счет стимулирования развития лоялистских политических и общественных движений, в первую очередь молодежных. Однако они были заведомо недостаточны для того, чтобы собрать в нечто целостное продолжающую разезжаться российскую социальную ткань, и годились только для устрашения протестной части интеллигенции, которая и так не играла никакой значимой роли.

Между тем рост уровня жизни в 2000-е годы объективно создавал благоприятную почву для широких идеологи-

ческих поисков и, сняв для значительной части наших сограждан остроту вопроса о физическом выживании, активизировал поиски смысла жизни.

Стремясь в этих условиях найти хоть какую-то идейную основу для своего существования, общество стихийно обратилось к религии, и государство, вместо того чтобы вести его за собой, само последовало за ним. Понятно, что это вызывает серьезное недовольство значительной прослойки атеистов. Однако главная проблема заключается в мультиконфессиональном характере России, в результате чего попытка обеспечить национальное единство на религиозной основе оборачивается попыткой разрушения хотя и неустойчивой, но все же сложившейся в нашей стране общности.

Мультикультурный характер российского общества, особенно в условиях постоянного изменения этнокультурного баланса за счет демографических и миграционных процессов, в условиях отсутствия объединяющей обществу идеологии (или хотя бы идеи) также является серьезным дестабилизирующим фактором.

Принципиально, что в условиях отсутствия такой общей идеи каждая социальная группа или национальная община начинает форсированно вырабатывать собственную идеологию — просто для того, чтобы хоть как-то, хоть чем-то заполнить зияющий идеологический вакуум. Неизбежным результатом является ее обособление от всего общества в целом и, более того, распад наиболее активной, энергичной и творческой части общества на отдельные, никак не связанные сегменты, каждый из которых обладает своей идеологией. В результате идеологической сегментации именно наиболее активная часть общества, которая могла бы сыграть ключевую роль в его модернизации и по-

вышении конкурентоспособности, дробится, разобщается и парализуется мелкими и, как правило, совершенно бессмысленными идеологическими спорами.

С социальной точки зрения наиболее пагубным для внутреннего единства российского общества стал резкий и наглядный рост дифференциации доходов в годы «нефтяного процветания». Если рост социального расслоения до конца 2003 года удавалось сдерживать, то с 2004-го, и особенно с 2006-го, когда получившие широкий доступ к внешним кредитам предприятия форсировали рост доходов своих сотрудников (не говоря уже о прибыли хозяев), граждане нашей страны практически разделились на две нации — богатых и бедных.

Даже по официальным данным, разрыв в доходах между 10% наиболее богатых и слоем наиболее бедных россиян значительно превысил максимальный уровень 1990-х годов и достиг 17,3 раз. Поскольку понятно, что сотрудников статистических органов и близко не подпускают к местам проживания наиболее богатых граждан, а к наиболее бедным они просто боятся (или брезгают) подходить, реальный показатель значительно выше — по оценкам ученых, он точно превышает 40 раз.

Общество с подобным уровнем социальной дифференциации в принципе не может быть не только единым, но даже устойчивым. Такое расслоение представляет собой постоянную угрозу самому его существованию.

Наконец, идейное и социальное разобщение российского общества вполне гармонично дополняется его региональной дифференциацией.

Стихийное экономическое развитие и хаотическая экспортная переориентация хозяйства России обусловили резкий и продолжающийся до сих пор рост неравномер-

ности экономического развития регионов. «Полюсы экономического роста» и зоны реального применения новых управленческих и производственных технологий соседствуют в нашей стране с депрессивными регионами, полностью утратившими способность к самостоятельному развитию на уровне как производственного, так и человеческого капитала.

Да, конечно, экономический кризис, нанеся болезненный удар в первую очередь по наиболее развитым регионам, несколько снизит уровень внутренней дифференциации страны. Однако, помимо того, что это выравнивание будет носить негативный характер и произойдет за счет общей деградации и обеднения, а то и обнищания, оно будет исключительно количественным.

Территориальная же дифференциация России давно уже является не количественной, но качественной: различные регионы нашей страны не просто находятся на разных уровнях развития, но развиваются (или выживают) на основе принципиально отличающихся социально-экономических моделей. Это относится далеко не только к национальным республикам (в значительной части которых основу населения составляют русские, и лишь система управления состоит преимущественно из представителей «титულიной» национальности), но и к обычным российским регионам. Доходит до того, что разница в неписаных, но крайне значимых для ведения бизнеса правилах зачастую существенно затрудняет предпринимателям из одного субъекта Российской Федерации ведение бизнеса в другом ее субъекте.

Помимо формирования в различных регионах разных моделей развития большое значение имеет и относительная дороговизна перевозок. Если в советское время цена авиа-

билета из Москвы на Дальний Восток была равна примерно половине средней зарплаты, то сейчас она немного отстает от двух средних. Еще более разительными являются изменения в стоимости грузовых перевозок. В результате завышения стоимости транспортных услуг единое экономическое пространство России существует преимущественно в финансовой сфере. В части товарного производства дороговизна перевозок практически разделила экономическое пространство на Восточную часть, тяготеющую к Китаю и, в меньшей степени, к Японии, и на Европейскую часть и Урал, ориентированные на Евросоюз.

Это продолжающееся расползание страны, ее разрывание между двумя экономическими центрами современного мира ярко иллюстрируют протесты жителей Приморья, Забайкалья и Сибири против ограничения ввоза в страну подержанных японских автомобилей. Руководители в Москве не смогли даже предположить, что в торговле и обслуживании «праворульных» машин на Дальнем Востоке занято около 200 тыс. человек, которые, в свою очередь, искренне не подозревают, что в России по-прежнему производят легковые автомобили.

Председатель правительства Путин выдвинул правильную идею о субсидировании государством железнодорожных перевозок на Дальний Восток автомобилей, производимых в европейской части России. Понятно, что перевозки полностью за счет государства возможны только в отношении отдельных товаров и только в непродолжительных критических условиях, однако частичное субсидирование всех без исключения (кроме разве что транзитных) сверхдальних перевозок в такой стране, как Россия, жизненно необходимо именно для сохранения ее территориальной целостности.

Однако такое субсидирование потребует — просто для экономии бюджетных денег — обеспечения финансово-экономической прозрачности российских железных дорог, на что государство пока, к сожалению, не способно.

РАЗРУШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА. Серьезнейшей проблемой России, оказывающей, наряду с описанными выше, определяющее влияние на все ее развитие, является нарастающая деградация главной компоненты общественных производительных сил — человеческого капитала.

Эта деградация носит комплексный характер. Количественный аспект проблемы наиболее очевиден и вызывает в силу этого наибольшую реакцию общества, а соответственно, некоторые изменения в политике государства. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия (а точнее, в силу их недостаточности), вымирание россиян продолжается.

В 2008 году естественная убыль населения сократилась примерно до 350 тыс. человек, что является неплохим результатом, однако оно вызвано не только усилиями государства, но и объективно обусловленной демографической ситуацией: во взрослую жизнь вошло последнее, предреформенное, советское поколение, сочетающее относительно многочисленность с относительным здоровьем.

Падение рождаемости, вызванное экономическим кризисом конца 1980-х и либеральными реформами, уже привело к резкому уменьшению численности 18-летних юношей, что создало серьезные проблемы для военных и вынудило начать изменение российских Вооруженных сил, хотя и неполное и непоследовательное. Это же сокращение численности молодых людей, вступающих в жизнь, окажет свое влияние и на демографические процессы

и вместе с развертывающимся социально-экономическим кризисом приведет к новому болезненному падению рождаемости.

Смертность же в результате массовых стрессов и роста преступности в ходе кризиса может только возрасти. Не будем забывать и о том, что каждый процент увеличения численности безработных означает рост количества убийств и самоубийств до 4%.

Однако для социально-экономического и в целом общественного развития России значительно более важным, чем сокращение численности отечественной рабочей силы, является ухудшение качества всего человеческого потенциала. Ведь сокращение численности рабочей силы началось лишь в 2008 году. До этого при общем уменьшении населения нашей страны количество трудоспособных людей в трудоспособном возрасте росло — из-за опережающего сокращения количества умирающих стариков и уменьшения рождаемости.

И тем не менее нехватка рабочей силы была практически повсеместной — именно из-за драматического падения ее качества.

Главным фактором деградации человеческого капитала России, как ни парадоксально, представляется утрата смысла жизни из-за исчезновения объединяющей и направляющей общество идеи — даже такой расплывчатой и неконкретной, как «советский образ жизни». Именно в этом заключается основная, фундаментальная причина еще большего, по сравнению с брежневским «застоем», усугубления алкоголизма, чудовищного уровня самоубийств и травматизма, дорожно-транспортных происшествий, примирения с нечеловеческими условиями существования и падения трудовой мотивации, вплоть до полного ее исчез-

новения. Лишенные смысла жизни, люди уничтожают себя тысячами разных способов — от прямых и быстрых до косвенных и растянутых во времени.

Разумеется, свой вклад вносят и конкретные причины, прежде всего практическое уничтожение в ходе либерального реформирования системы массового общедоступного здравоохранения. В результате даже простейшие болезни в ряде случаев не лечатся, превращаясь в хронические и серьезно усугубляя как вред, наносимый здоровью, так и ущерб, наносимый экономике. Недаром в 2008 году, по данным «Левада-центра», 16% россиян пережили смерть или тяжелые болезни близких людей, а 13% серьезно обеспокоены собственными болезнями.

О массовой профилактике заболеваний уже практически забыл даже «средний класс», а плохое питание, отсутствие занятий физкультурой, раннее курение и потребление алкогольных напитков существенно подорвали здоровье молодежи.

Высшее образование в массе своей давно уже выродилось в подготовку высокопрофессиональных безработных, социально не адаптированных, с необоснованно завышенной самооценкой, в ряде случаев с разрушенной способностью к обучению и даже простому выживанию.

Перенос центра тяжести реформ с высшего образования на среднюю школу усугубит эти проблемы, качественно повысив масштабы безграмотности и бескультурья.

Экономический кризис, подорвет в силу роста безработицы массовые стимулы к получению даже простейших навыков и умений, необходимых для работы в офисе и на производстве, и этот процесс будет продолжаться, в итоге превращая сегодняшнюю молодежь в «потерянное поколение» в прямом смысле слова.

В настоящее время безусловным достоинством молодых россиян являются оптимизм и восприимчивость к пропаганде (что повышает эффективность общества при условии эффективности и разумности государственного управления), но социально-экономический кризис на глазах разрушает этот позитивный потенциал.

Его следствием станет еще более серьезное падение трудовой мотивации, массовая утрата веры в свои силы, деморализация самых широких слоев общества, напоминающая по своей глубине и масштабам ту, что наблюдалась в начале 1990-х годов.

ПОВЕРХНОСТЬ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ. Поразительно, но более чем за 20 лет развития рыночных отношений в нашей стране так и не создана их основа — защищенность прав собственности.

В деле ее обеспечения сделано много важных шагов вперед, достигнуты довольно серьезные успехи, однако огромное количество всем известных примеров показывает: права на значительную часть собственности не только организаций, но и граждан в сегодняшней России защищены совершенно недостаточно.

Это напрямую сдерживает развитие целого ряда важнейших сфер экономики, в частности банковской системы. Ее размеры остаются мизерными на фоне банковских систем развитых стран и, помимо множества конкретно-экономических и исторических причин, это вызвано и таким фундаментальным фактором, как незащищенность собственности.

Именно он кардинально, драматически повышает риск кредитования, ибо как право собственности банка на его деньги, так и право собственности заемщика на свое предприятие и залоговый ресурс могут быть поставлены под

сомнение с помощью несложных, тривиальных и доступных достаточно широким кругам бизнесменов и чиновников процедур.

Как это ни печально, в нашей стране все еще сохраняется не капиталистический, но феодальный в своей основе принцип, по которому собственность порождается властью, а не наоборот. В результате неэффективны и власть, воспринимаемая целыми социальными группами как непременный источник собственности и из-за этого отягощения не способная в полной мере выражать интересы всего общества, и собственность. Последняя оказывается несамостоятельной и несамодостаточной, в целом ряде случаев коммерческий успех от ее использования определяется не хозяйственными, а административными, а то и политическими факторами.

Другой серьезной проблемой является практически повсеместное и, за редчайшими исключениями, безнаказанное злоупотребление монопольным положением.

Советская экономика была исключительно монополизированной на технологическом уровне, так как значительная часть продукции изготовлялась единственным производителем. Кроме того, отношения тотального дефицита превращали в монополиста практически любого владельца почти любого материального ресурса.

Развитие рынка в основном покончило с дефицитом, хотя он периодически и возникает вновь на отдельных локальных рынках, однако технологический монополизм (ибо новые предприятия создавались в относительно незначительном количестве) был дополнен значительно худшим, коммерческим, проявившимся в первую очередь в сфере торговли.

Периодически его удается сдерживать с помощью открытия национального рынка для импорта (так, в первой

половине 2008 года удалось резко снизить цены на цемент), однако примеры такого рода остаются единичными. Практически стандартной является ситуация, когда уменьшение издержек по любой причине — от снижения налогов до удешевления сырья (например, двукратное падение закупочных цен на молоко в мае 2008 года из-за масштабного ввоза сухого молока из Белоруссии) ведет не к снижению цен на продукцию, но лишь к росту прибылей монополиста.

Монополизм усугубляется в России и низкой мобильностью населения (частично из-за бедности, частично из-за пробок, частично из-за перегруженности работой и отсутствия свободного времени), и практически полной свободой картельных сговоров и неэкономического принуждения, вытекающих из неэффективности судебной системы и государственного регулирования в целом. В результате монопольное положение может занимать и энергично злоупотреблять им даже аптечный киоск в центре крупного города.

При этом значительная часть монополий существует в тесном симбиозе с органами власти того или иного уровня, а часто и просто принадлежит чиновникам или членам их семей. Естественно, чиновники всемерно содействуют «дружественным» коммерческим структурам, искусственно ограничивая конкуренцию с ними, а в ряде случаев и просто уничтожая конкурентов и создавая таким образом монополии «на пустом месте».

По опросам, перед переходом экономического кризиса в острую стадию более 60% российских средних предпринимателей не ощущали конкуренцию как значимый фактор ведения своего бизнеса, а около 20% вообще ее не испытывали.

Повсеместное злоупотребление монопольным положением не просто неприемлемо повышает транзакционные издержки российской экономики, подрывая, а в ряде случаев и искореняя, конкуренцию, но делают экономику нашей страны по сути нерыночной и контролируемой даже не государством, а бюрократией, действующей от имени государства в собственных частных интересах.

Третьей существенной особенностью экономики современной России (наряду с незащищенностью собственности и монополизмом) является патерналистская ориентация населения. Граждане России уже не ждут от государства помощи и не рассчитывают на нее, однако значительная их часть до сих пор психологически не отделила себя от государства как идеи, а большинство по-прежнему признает приоритет «государственных интересов» над установленными этим же государством законами. Причем эти «интересы» понимаются как угодно размыто и устанавливаются произвольно.

Понятно, что в наибольшей степени это проявляется в сфере коммерческого права, придавая хозяйственной деятельности в России существенный элемент непредсказуемости, а рыночным отношениям — поверхностности.

Неукорененность рынка в российском обществе при определенных обстоятельствах (и обязательно при условии наличия добросовестного и хотя бы относительно эффективного государства) может даже содействовать повышению конкурентоспособности страны, однако она всегда должна полностью учитываться как одна из фундаментальных особенностей.

«РАССЛОЕНИЕ» ЭКОНОМИКИ. Повышение мировых цен на нефть, а затем и на другое сырье и продукцию первого передела привело к воспроизводству в России латино-

американской «двухсекторной» экономической модели. В ее рамках все хозяйство страны, да и сама страна очень жестко делится на «глобализированный» сектор, ориентированный на обслуживание экспорта (точнее — экспортных финансовых потоков), и хиреющий, работающий на внутренний рынок (точнее, на финансовые потоки, не связанные с экспортом).

Такое разделение отнюдь не является неизбежным несчастьем, но сохранение целостности экономики возможно либо в условиях свободного межотраслевого и межрегионального перетока капиталов и других производственных ресурсов (в России это невозможно как из-за неразвитости транспортной системы, так и из-за незащищенности собственности, блокирующей развитие финансовой инфраструктуры), либо благодаря энергичной деятельности государства. К сожалению, в условиях последовательной пассивности государства, его отказа от модернизационной политики (не стоит забывать, что уже в 2000-е годы само словосочетание «промышленная политика» долгое время было в правительственных кругах чем-то вроде ругательства) избежать разделения экономики на экспортно и внутренне ориентированные секторы невозможно.

Разрыв между двумя секторами сложился в 1990-е годы, но окончательно оформился и стал непреодолимым именно в 2000-е, когда представители экспортного сектора, обладая вследствие большей рентабельности и большей концентрации производства неизмеримо большими финансовыми потоками, не испытывали конкуренции со стороны сектора, ориентированного на внутренний рынок, ни по одному виду производственных ресурсов.

Экспортный сектор получал лучшие административные, технологические, финансовые, интеллектуальные

и все остальные виды ресурсов, позволяя сектору, ориентированному на внутренний рынок, обеспечивать себя «по остаточному принципу». В результате разрыв между ними в 2000-е годы превратился в непреодолимую стену: если еще в конце 1990-х менеджерские таланты позволяли предприятиям, работающим на внутренний рынок, достигать сопоставимой с экспортным сектором рентабельности и чувствовать себя относительно хорошо, то в 2000-е такие примеры стали неправдоподобным исключением.

Правда, при этом существенно расширились границы экспортного сектора, ибо значительная часть его средств тратилась внутри России — как на производственные, так и на потребительские нужды. Это оживило в нашей стране торговлю, строительство и производство, и заставило аналитиков говорить о «снижении зависимости от экспорта». На самом деле происходило не снижение зависимости от экспорта, а удлинение коммерческих и технологических цепочек, по которым экспортная выручка расходилась по стране. Растущие объемы нефтедолларов увеличивали масштабы бизнеса, формально работающего на внутренний рынок, а реально ориентированного преимущественно на доходы экспортеров.

Сами экспортеры, осознав это, энергично диверсифицировали свой бизнес, создавая или поддерживая производства, работающие на заведенных этими же экспортерами в страну финансовых потоках.

В результате экспортный сектор рос и ширился, и вглубь. Практически весь «средний класс» предкризисной России был порожден именно им. Внутренний же сектор съежился, деградировал и к началу кризиса практически лишился какой бы то ни было привлекательности.

Деградация сектора, ориентированного на внутренний рынок, естественным образом сопровождается износом относящейся к нему части инфраструктуры (надо отметить, преобладающей ее части) и утратой либо устареванием технологий, сосредоточенных в основном в военно-промышленном комплексе (так и не изжитое превращение последнего в экспортно-ориентированный подорвало его производственный потенциал).

Вместе с тем Россия не была бы Россией, если бы какая бы то ни было зарубежная модель могла реализоваться в ней «в чистом виде», без исключительно серьезных и глубоких изменений. Важнейшим из таких изменений стало формирование в нашей стране третьего, «бюджетного», сектора, состоящего из предприятий, ориентированных на средства бюджетов, в первую очередь — на наиболее крупные и потому привлекательные средства бюджета федерального.

Основу этого сектора составляют отнюдь не разнообразные научные, консалтинговые и общественные конторы, замкнувшие на себя разнообразные исследовательские работы и «работы по формированию гражданского общества», выполняемые на бюджетные деньги. Часть расходов на подобные работы является замаскированным «распиллом» бюджетных средств, часть представляет собой найденный бюрократами способ выполнять свои же собственные обязанности по коммерческим расценкам (а то и по расценкам существенно выше коммерческих), часть осуществляется просто по инерции, так как «положено» изображать активность в тех или иных направлениях.

Этот бизнес распространен достаточно широко и в масштабах государства поглощает значительные средства, однако формально не является бизнесом, т. е. коммерческой

деятельностью в целях получения прибыли. Важно и то, что, несмотря на массовость этого явления, данные виды работ выполняются небольшими, совершенно незначительными по своим масштабам фирмами, большинство из которых — просто временные коллективы знакомых, объединенных той или иной бюджетной возможностью.

Между тем коммерциализация социальной сферы — здравоохранения, образования, социальной помощи, — являющаяся одним из основных направлений государственной политики в 2000-е годы, породила именно бизнес, оформленный в таком качестве и включающий в себя часто весьма крупные фирмы федерального масштаба, существующие во многом на средства, выделяемые бюджетами на поддержание и даже развитие соответствующих сфер.

Это компании, занимающиеся обязательным страхованием — как обычным, так и медицинским, приобретением лекарств для программ дополнительного лекарственного обеспечения, в целом обслуживанием систем здравоохранения, образования и социальной помощи, а также изданием методической литературы для всех этих и многих других процессов.

К «бюджетному» же сектору следует отнести и фирмы, существующие за счет потоков формально частных денег, направляемых в сферы их деятельности в соответствии с теми или иными решениями государства. Это все естественные монополии, а также компании, управляющие пенсионными деньгами, коммунальным хозяйством, значительным сектором энергетики.

Таким образом, «бюджетный» сектор представляет собой частный бизнес, существующий за счет тех или иных решений государства. Естественно, что значительная часть образующих его формально частных компаний

срослась с теми или иными бюрократическими кланами и просто паразитирует на финансовых потоках, направляемых государством, — как непосредственно из бюджета, так и из карманов частных лиц и со счетов частных корпораций.

В принципе такие компании, безусловно, необходимы, однако их целью должно быть не извлечение прибыли, а наиболее полное удовлетворение тех или иных общественных потребностей. В Великобритании для них существует специальная юридическая форма — «публичные», т. е. общественные, корпорации. В России аналогичной юридической формы до сих пор не создано, несмотря на понимание необходимости этого шага в аналитической среде. Ее отсутствие отчасти предопределило исключительно низкую эффективность соответствующего бизнеса, а отчасти и его контрпродуктивность.

Этапы в развитии этого третьего, «бюджетного», сектора российского бизнеса, окончательно оформившими его и сделавшими действительно третьим по значимости в российской экономике:

- пенсионная реформа 2004-го и социальная 2005-го, существенно повысившие степень коммерциализации социального сектора;
- реформа электроэнергетики, завершившаяся в 2008 году разделением РАО «ЕЭС России» и породившая огромное количество предприятий, получивших свой капитал по сути из рук государства;
- создание в 2007 году государственных корпораций, самостоятельно и почти бесконтрольно распоряжающихся огромными средствами, переданными им из бюджета для достижения самостоятельно устанавливаемых ими для себя целей.

УСИЛЕНИЕ ТЯГИ К САМООБЕСПЕЧЕНИЮ. Несмотря на колоссальный рост импорта, наличие значительного деградирующего и низкорентабельного сектора, ориентированного на внутренний рынок, обеспечивает не только существование значительного количества депрессивных регионов, но и консервацию огромных страт населения с низким уровнем доходов, имеющего возможность приобретать лишь ограниченный круг товаров. Именно они формируют категорию нищих россиян, испытывающих нехватку денег на еду (по данным «Левада-центра», в середине октября 2008 года они составляли 9% населения страны, т. е. около 12,6 млн человек) и значительную часть бедных россиян, которым хватает денег на еду, но не на одежду (таковых было 27%, т. е. еще около 37,8 млн человек).

Значительная часть этих людей ведет жизнь, близкую к натуральному хозяйству: кормятся со своего огорода, а также теми продуктами, которые получают за счет собирательства и рыбной ловли, а иногда и охоты, покупая за деньги лишь минимум необходимого из остальных товаров.

Этот огромный слой людей, живущих в деревнях, поселках городского типа и малых городах, невидим из крупных городов, однако образует существенную часть общества и оказывает большое психологическое влияние на тех, кто, ослепленный собственным достатком, искренне не верит в его существование.

В отличие от населения развитых стран, россияне хорошо знают — если не на личном опыте, то по рассказам родителей, дедушек и бабушек — о принципиальной возможности переживать «плохие времена» за счет резкого снижения своего потребительского статуса и частичной натурализации домашнего хозяйства (что отнюдь не всегда требует переезда в деревню).

Одновременно с полной беспомощностью представителей «непадавшего поколения», морально не готовых к прекращению «экономического чуда» и не приспособленных к резкому ухудшению потребительской ситуации, в России существует культура выживания «за счет собственных сил», наглядно проявляющая себя в накоплении запасов продовольствия и простых промтоваров.

Ухудшение экономической конъюнктуры и падение уровня жизни автоматически активизирует эту культуру. С одной стороны, это повышает жизнеспособность общества, с другой — затрудняет выход из депрессии, так как натуральное хозяйство требует значительных трудозатрат, чем само по себе препятствует повышению как коммерческой, так и потребительской активности.

Выражением этой же тенденции в масштабах страны является постоянная готовность к импортозамещению. В условиях благоприятной конъюнктуры высокомонополизированная торговля подавляла российского производителя массовым завозом относительно дорогого, но удобного в управлении импорта. Однако тем самым она не только уничтожила целые отрасли (вроде легкой промышленности, части земледелия и почти всего животноводства в Нечерноземье, где заливные луга заросли 15-летними березками), но и превратила уцелевшую часть российских производителей в подобие сжатой пружины, распрямляющейся при первой же возможности импортозамещения.

Девальвация рубля в сочетании со снижением доходов населения и одновременным удорожанием импорта и повышением значимости ценового фактора открывает для него широкие возможности.

Импортозамещение на базе существующего крупного бизнеса затруднено его большим внешним долгом. В общем

случае девальвация усугубляет груз этого долга, не позволяя бизнесу развиваться.

Однако основная часть внешнего долга приходится на экспортеров сырья и торговые компании, а не на производителей, способных воспользоваться возможностью импортозамещения. Кроме того, российские бизнесмены — мастера в деле переноса коммерческой активности из обремененных долгами бизнес-оболочек в новые, динамично развивающиеся и перспективные структуры. Наконец, такие структуры будут возникать и сами по себе, «на пустом месте» или же за счет активизации и увеличения масштабов деятельности относительно небольших фирм, в том числе за счет переток средних капиталов из других, ставших бесперспективными, сфер (например, из частного строительства).

Первым стихийным ответом российской экономики на социально-экономический кризис станут натурализация частных хозяйств и импортозамещение, особенно на уровне среднего бизнеса.

РОСТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДРАЖЕНИЯ. Никто и никогда не любит начальство, особенно в России, однако оборотной стороной этой нелюбви является поразительная терпимость к нему.

Россияне, годами копящие злость на своих ближних, не прощающие сущих пустяков друзьям и родственникам, совершенно спокойно извиняют самые вопиющие проступки своих руководителей. Это наблюдается не только в масштабах всей страны (что можно было бы объяснить официальной пропагандой), но и в незначительных по численности трудовых коллективах и малых населенных пунктах. Причиной, вероятно, является общая патерналистская ориентация наших сограждан.

Поэтому ожидать быстрого возникновения осмысленного общественного недовольства и тем более его концентрации на российской политической власти под ударами сколь угодно серьезного социально-экономического кризиса просто нелепо.

Первой реакцией, которая сохранится довольно долгое время, является не недовольство, а неконкретное, размытое и часто не осознаваемое даже самими его носителями раздражение.

Социологические опросы уже фиксируют достаточно серьезное ухудшение условий жизни наших соотечественников. Так, по данным «Левада-центра», с марта по декабрь 2008 года доля россиян, материальное положение семей которых за год, предшествующий проведению опроса, улучшилось, сократилась с 28 до 18%, а доля сообщивших об ухудшении материального положения, напротив, выросла почти вдвое — с 17 до 32%.

Не менее наглядно изменение ожиданий: доля надеющихся на улучшение материального положения своей семьи в предстоящий год сократилась с 29% в марте до 16% в декабре. Доля тех, кто предполагает ухудшение материального положения, подскочила более чем втрое — с 7 до 23%.

В обоих случаях положительный баланс потребительских оценок сменился отрицательным. Число наших сограждан, чье материальное положение ухудшилось, существенно превышает число тех, у кого оно улучшилось (соответственно 32 против 18%), а пессимисты, хотя и с меньшим перевесом, но все же уверенно преобладают над оптимистами (23 против 16%).

Это изменение понятно, если ознакомиться с изменением потребительских планов россиян. По данным того же

«Левада-центра», около половины российских семей, еще летом 2008 года планировавших в течение предстоящего года осуществить те или иные крупные покупки, уже к декабрю того же года были вынуждены отказаться от своих планов, в основном из-за недостатка средств. (Недостаток средств на покупку, в свою очередь, вызван как падением собственных доходов и утратой уверенности в будущем, так и резким сокращением кредитования.)

В частности, из 31% наших соотечественников, рассчитывавших приобрести мебель или бытовую технику, более половины — 16% — отказались от своих планов, в том числе 12% из-за недостатка средств (4% решили подождать снижения цены на соответствующие товары). Из 13% россиян, собиравшихся купить автомобиль, от своих планов отказались 9%, в том числе 8% — из-за нехватки средств (1% решили подождать падения цен). Из 12% собиравшихся съездить отдохнуть за границу от этих планов отказались 6% (5% из-за нехватки средств и 1% — в ожидании снижения цен), из 9% намеревавшихся оплатить медицинские услуги отказались от этих намерений 4% (3% из-за нехватки средств и 1% в ожидании снижения цен), из 8% планировавших купить жилье не стали это делать 6% (5% из-за нехватки средств и 1% — в ожидании снижения цен), из 8% предполагавших оплатить учебу отказались от своих планов 2% (все из-за нехватки средств).

Однако граждане России продолжают очень хорошо относиться к государственной власти, хотя это отношение, разумеется, в условиях кризиса постепенно ухудшается. Так, «Левада-центр» рассчитывает группу индексов социальных настроений, дающих представление о разных сторонах социального самочувствия россиян. Величина этих индексов изменяется от 0 до 200. Индекс больше

100 свидетельствует о преобладании положительных оценок, менее 100 — отрицательных.

В 2008 году все индексы медленно понижались. Так, индекс оценки текущего положения семьи сократился со 133 в марте до 125 в сентябре и 106 в середине декабря; индекс текущего положения страны — со 135 в марте до 128 в сентябре и 107 в середине декабря, а индекс ожиданий соответственно со 131 до 123 и 97, что отражает естественное, хотя пока и небольшое, преобладание негативных ожиданий над позитивными.

Однако лучшим был и остается индекс оценки деятельности власти: он один практически не уменьшился с марта по сентябрь — снизился со 153 только до 152, что, конечно, вызвано успешной войной с Грузией, и к середине декабря упал лишь до 139. Это свидетельствует о сохранении высокого уровня удовлетворенности действиями государства. Конечно, можно сколько угодно рассуждать о его огрехах и эффективности не конкретной политики, а пропаганды, но данный результат бесспорен еще и в силу общего оппозиционного настроения «Левада-центра».

Таким образом, поддержка населением государства сохраняется, но начинает постепенно размываться — в силу ухудшения условий жизни, а также растущего и пока беспредметного раздражения.

Эти тенденции будут нарастать под действием экономического кризиса, постепенно перерождаясь в расхождение общества и власти, накопление между ними существенной разницы потенциалов — не потенциала враждебного противостояния (до этого в общенациональном масштабе еще далеко), но потенциала различных зарядов, физический аналог которого порождает электрическую искру.

Существенным обстоятельством, осложняющим будущее социально-политическое развитие нашей страны, является широко распространенное в обществе неверие в возможность позитивной справедливости, т. е. полезного для страны сотрудничества рядовых граждан с властью и ее добросовестности. Доверие к государству «вообще» и уважение к его лидерам дополняется полным неприятием народом России чиновников, причем не только конкретных, но и всего чиновничества как класса, априори враждебного народу.

В стабильных и относительно благополучных условиях доверие к символам государства в целом нейтрализовывало неприятие конкретных его представителей, однако надо учитывать, что кризис начнет быстро и, по всей вероятности, необратимо разрушать это достаточно хрупкое равновесие.